

ГОЛГОФА НЕСОВЕРШЕНСТВА, КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ И. КАНТА И ЭТИКА «ВПЕРВЫЕ НАЧИНАНИЯ»

В. А. Костенич (Могилев)

Культурно-исторические истоки человеческой нравственности и коррелятивное им смысловое пространство «этического» всегда были и остаются предметом философской рефлексии. Дилеммы добродетелей и пороков, страстей и разума, гордыни и смирения, свободы и произвола, сострадательного благоговения перед жизнью и «воли к власти» — таков далеко неполный перечень парадигмальных вопрошаний морального сознания.

Кантовская интерпретация добра и долга тематически встроена в извечную проблему человеческого несовершенства. Человек, «по природе», существо несовершенное (и потому «злое»). Несовершенство — не просто аксиома человеческого бытия, но средоточие экзистенциальных драм и коллизий. Несовершенство изначальное и несовершенство, «тиражирующее» изначальное несовершенство.

В свое время Аристотель усматривал основания несовершенства в неспособности формальной, целевой и действующей «первопричин» преобразовать и преобразить «материю». Для христианства корни несовершенства — в «первосущем Ничто», из которого Всевышний творит «свое Иное». Одновременно религиозное сознание концептуально нюансирует диалектику добра и зла. Зло начинает свое шествие в человеческом бытии с уклонения от добра. Уклонения, имплицитно обусловленного «страхом и трепетом» по

поводу нашей неспособности «фактически» осилить Добро «совершенным образом». Как представляется и гоголевское аутодофе второй части «Мертвых душ», также символизирует не банальную герменевтику «психического нездоровья», но драму Художника, заподозрившего свое детище в несовершенстве и решившего не множить несовершенство Мира своим «несовершенным творением». Эстетическая неудача неожиданно предстает этическим событием. Наконец, бердяевские филиппики против «объективации» творческих усилий человека — в ряду сомнений в (возможной) доброкачественности человеческих артефактов бытия.

В своих исследованиях «события Добра в несовершенном Мире» Кант сумел вскрыть неординарные ракурсы его мировоззренческого осмысления. Категорический императив практического Разума и вытекающая из него «этика (ригористического) долженствования» наметили принципиально иные стратегии понимания места и роли нравственного бытия в многообразии человеческих практик освоения Мира. Человеческому самоопределению в Мире (иного и «Других») были предписаны каноны личностной ответственности. Человек (оказался) призван исполнять и свидетельствовать (в своем лице) о «возможности должного», как условию превосходения несовершенства Мира и Человека.

Прежде всего, и главным образом, «должно» рассматривать всякого другого человека (а, в перспективе, и все сущее) исключительно как самоцель (или своего рода «святыню»), но не как средство (т. е. не прагматически сподручно). «Должно» свершать общезначимые «поступки», мотивированные осознанием своего несовершенства и дознаниями совести. «Да здравствует лишь то, благодаря чему, каждый человек сохраняет и творит Должное, несмотря ни на что». Гедонизм плоти, истома страстей и склонностей, соблазны самомнения, искушения человекобожия — априорно-необходимые предпосылки самой возможности нравственного самостояния. Творить добро (и тем самым сопротивляться несовершенству) должно «на должных» основаниях. К их числу Кант относит отказ от (социально ангажированного) культивирования «привычки к добру», а также имманентный запрет на исполнение добра как «рефлекторного» следствия «трансцендент (аль)ных предписаний Других».

Кантовское наследие диктует необходимость существенной трансформации всей педагогики этического образования. Точнее,

ее фундаментальной идеи. До сих пор и, как правило, преподавание этики сводилось к реконструкции представлений о добродетели. Правда, в последнее время этот тематический фон оттенен прикладными проблемами биоэтики, эвтаназии, смертной казни и ненасилия. И все же данные историко-этические экскурсы и проблемы лишены «объяснительной силы». Свидетельствуя в пользу многообразия нравственных контекстов (человеческого) бытия, они, однако, не эксплицируют культурную «сверхзадачу» этического самоопределения.

В качестве личностной максимы свершения «достоинства человечности» можно и следует, на наш взгляд, предъявлять своей самости максиму «впервые начинания» (выражение В. С. Библера). Эта посткантовская философия долженствования исходит из ряда мировоззренческих смыслов, предписывающих человеку особую стратегию «присутствия в Мире».

Во-первых, отказ от соблазнительного «недомыслия», что в мире, в который мы заброшены и живем, «добро и зло» (уже) состоялись и есть. Напротив, должно жить в предположении, что они (еще) только возможны, с «момента» нашего (всякого и всегдашнего) ответственного самоопределения. Жить, «как если бы» с нас «все начиналось» и «из-за нас» могло рухнуть в небытие.

Ответственный выбор, во-вторых, это выбор, инициируемый не «угрызениями совести», а просто «совестью», как экзистенциальным знаменем нашей (долженствующей быть) вечной обеспокоенности за свою личностную репутацию. Это — выбор в пользу ответственности за нашу миссию (и бремя) «впервые начинающего» все и вся. Совесть — это родина человеческого «Я», обретшего понимание смысложизненных размерностей всякого (ф) акта нашего поступания в сущем.

И, в-третьих, охраняемое и отслеживаемое нашей совестью ответственное «впервые начинание» добра и зла, подлинного и подлого — призвано препятствовать искушениям «привыкания к Добру» и возведения добродетельности в ранг «привычки». Добро не может быть «творимо» фабричным способом. Его нельзя поведенчески копировать. Оно «неповторимо». Оно — всякий раз откровение человеческого выбора, самодовольно или смятенно рискующего собой, человечеством и Миром. Не забудем: «Бог может все, но он не может спасти человека без самого человека».